

Глава 5

Я никогда не спал так хорошо! Даже в кровати с новым матрасом и чистыми простынями. Солнце не резало глаза, запах противной каши не раздражал нос, и никто специально не прыгал по скрипучим половицам. Тепло, сухо и в меру мягко.

Я приоткрываю глаза и вижу все ту же дыру в потолке. Теперь в ней просто чистое синее небо. Мышцы затекли, и я двигаю плечами, борясь с ноющей болью. В груди как будто бы жжет. Сначала я не понимаю почему, а потом пелена сна спадает, и я вижу поверх рубашки руку. Я шевелю пальцами и осознаю, что кисть не моя. Поворачиваю голову — и вспоминаю, почему уснул на тюке сена, а не в своей постели.

Грегори. Мой новый знакомый, веснушчатый любитель уплетать пироги, болтать о звездах и блуждать по чужим полям. Интересно, он так же бодро несет чушь с первыми лучами солнца или приберегает сомнительную мудрость для сакральной ночи? Я коварно усмехаюсь: так и подмыкает столкнуть его с тюка сена, но, к сожалению, от матери мне досталось доброе сердце.

— Грегори? — Я убираю его руку с груди и замираю.

Вчерашнее впечатление сейчас подтверждается: мой новый знакомый выглядит вполне порядочным джентльменом. Да, когда ты сидишь на куче мусора в чужом поле, тебя кто угодно примет за сумасшедшего, но здесь ошибки быть не может. Эти хлопковые штаны отличного качества, руки довольно ухоженные... Я перевожу взгляд на его лицо. Ну как же много веснушек, интересно, они у него только от

солнца или зимой тоже? Я вспоминаю лицо матери: у нее такие крапинки появлялись весной, но надолго не задерживались.

Вот на что я трачу драгоценное время? Даже не представляю, который час, но уверен: мои уже проснулись. И вместо того чтобы разбудить Грегори, похлопав по щекам, я пытаюсь вспомнить, сколько веснушек было у матери. Меня выводит из размышлений шлепок по руке. Глаза Грегори открываются, а губы расползаются в улыбке.

— Франческо, невежливо рассматривать людей в упор, особенно когда они притворяются спящими!

Его глаза такого насыщенного цвета, что я не ленюсь и смотрю на небо в дыре. Нет. Его глаза светлее, ближе к серому, но их палитра удивляет меня точно так же, как и ночью. Мои просто карие. Я оскорбленно хмыкаю и шлепаю его по руке в ответ. Сейчас он у меня договорится и точно полетит «с небес на землю»!

— Да ладно тебе, я же просто пошутил! — смеется он.

— У нас на Диком Западе шуткам не учат. — Я облизываю пересохшие губы и шиплю в ответ. — Надо было дать тебе хлыста вчера и погнать до города! — Наверное, я даже краснею от негодования, разве что из ушей не идет пар. Патриция всегда утверждала: любая моя эмоция сразу читается на лице. — Если проснулся, то почему притворялся? Жить надоело?

— А что, только тебе можно исподтишка рассматривать людей? — не понимает он.

Я закатываю глаза и пихаю его в бок, вызывая радостный смех. С таким детским взглядом на жизнь... откуда ты свалился на наше поле, Грегори?

— Я проснулся за несколько секунд до твоего пробуждения, Франческо!

— Кстати, почему ты постоянно повторяешь мое имя? — ворчу я.

— Мне нравится, как оно звучит, почему я не могу повторять поэтичные слова раз за разом? — Он пожимает

плечами и садится на разорванном тюке. — Еще мне нравится слово «клен», но повторять его без смысла, как умалишенный я не собираюсь. Хотя кленов у вас тут полно, на каждом шагу. Я бы то и дело сидел под ними, ловя листья и любуясь миром.

Я открываю рот от удивления.

— А осенью клены, наверное, пылают! — Он снова улыбается, но по-другому, лукаво. — Правда, не так сильно, как твои щеки, Франческо.

— Я понял, понял! Ты любишь клены! — Руки сами сжимаются в кулаки.

Какой же остряк! Не могу. Тянусь навстречу, подумывая дать ему щелбан, чтобы голова треснула. Не успеваю: Григори вдруг сам делает рывок вперед, перекачивается через меня и, нависнув сверху, закрывает рот рукой. Его настороженный взгляд мечется по сеновалу. Я ошеломленно тарашусь в ответ. Я, конечно, молодец, что пригласил незнакомца под свою крышу! Правда, желей он задушить меня или прирезать, — мог бы найти момент и получше. Какого черта вообще творит этот умалишенный?!

Григори примерно одного со мной роста, весом, может, чуть меньше, вот только в силе не уступает. Я хочу вырваться и как минимум дать ему по башке за эту выходку, но не получается. Еще чуть-чуть — и он проломит моей спиной доски, и мы благополучно полетим со второго этажа. Наконец мне все же удается привлечь его внимание своим яростным взглядом и шипением. Он будто приходит в себя.

— Франческо... — Он склоняется ближе и шепчет: — Сюда кто-то идет.

После этого он расслабляется, видимо, надеясь на мое благоразумие: что я перестану дергаться. Как опрометчиво! Мне-то бояться в собственном доме некого. Так что я вмиг бью его ребром ладони по боку, и, кажется, вижу, как из глаз осыпаются искры. Больше Григори меня не удержать! Я спихиваю его в угол. Его кепи меня бесит, так и хочется содрать. Из-под козырька выбилось еще

несколько прядей. Ну все, я придушу этого наглого гостя прямо сейчас — и дело с концом!

Он снова улыбается. Он точно со своей телеги не падал? Я стискиваю его руки, завожу за голову и удовлетворенно наблюдаю, как он морщится от боли. Заслужил, и сам знает это. Я сердито фыркаю и хочу уже отпустить какую-нибудь колкость, но дверь сеновала скрипит. Не дай бог, это все-таки отец, а не кто-то из рабов. Боже, спаси! Грегори пытается освободиться, но даже это не отвлекает от панической мысли.

Только бы не отец. Только бы не отец. Только бы не отец!

— Патриция, вы уверены, что ваш отец не всадит мне картечью из ружья, если заметит на территории вашего дома?

Этот голос я узнаю легко — низкий, грубоватый, но чем-то завораживающий. Колтон Рид! И имя моей сестры... она что, здесь, с ним? Я замираю, хотя мне уже хочется подскочить и придушить мерзавца на месте. Иногда мне удавалось на скаку оставить Рея, уже этому-то козлу голову открутить не составит труда!

— Все хорошо. — Это действительно ее голос! — Сюда заходят лишь рабы, а отец заглядывает раз в год, проверить, сколько сена осталось после зимы.

Рид молчит, явно сомневаясь. А я даже не могу описать бурю своих чувств. Тон сестры какой-то... заискивающий, игривый, я не слышал у нее таких ноток прежде.

— Простите за моего брата, — шепчет она.

— Ничего. Почему вы извиняетесь за мальчишку?

Это он меня назвал мальчишкой? И погодите, сколько же сейчас времени, раз она привела мерзавца незамеченным? Думаю, уже к полудню, а отец, видимо, успел поговорить с мистером Ридом? Иначе я не могу объяснить следующие слова Колтона:

— Вы не можете дать согласие на продажу ранчо, пока вся семья не будет «за». — Он медлит, будто подбирая слова помягче. — Это логично.

— Не только Франческо дорога наша долина, — тихо отвечает сестра. — Мы все родились здесь и выросли, каждый дюйм дышит историей нашей семьи. Просто так от- дать ее не сможет даже Хантер, не говоря уже о Франческо и отце.

У меня перехватывает дыхание, и я опускаю глаза на Грегори. Он смотрит удивленно, дышит медленно и размеренно. Я убираю руку с его лица и стараюсь бесшумно отодвинуться.

— Ему понадобится время, чтобы дать ответ. Ведь он любит каждого из нас.

— Мой отец предлагает большие деньги... — Колтон говорит ровно. — Раньше мы не предлагали таких никому.

Он вновь останавливается, и я уже настораживаюсь. Почему каждая его фраза наполнена таким драматизмом и паузами? Поэт или дурак?

— Теперь тут играет роль и другое обстоятельство...

— Ой, Колтон, прекратите, вы вгоняете меня в краску!

Патриция так залиvisto смеется, что до меня нако- нец-то доходит. Этот тип, покушающийся на нашу землю, еще и флиртует с моей сестрой! Я настолько зол, что даже не знаю, как поступить. Немыслимо! Они приехали только вчера, а он набивается к ней в кавалеры и зовет на сеновал переговорить! Да где это видано? Какие слухи пойдут?! А если мерзавец об этом разболтает? Я должен убить его сейчас.

Я дергаюсь, но Грегори быстро вцепляется в меня и смотрит не менее яростно. Я не понимаю, что он хочет мне сказать.

— Кто такая Патриция? — шепчет он одними губами.

— Моя сестра, — шиплю я.

Его глаза расширяются.

— Ой...

— Ох, Патриция, так очаровательных девушек я не ви- дел ни в одном из городов великих Штатов! Неужели ваша долина возвращает таких красавиц? — заливаётся певчей птицей Колтон.

Ну все, хватит с меня!

— Патриция Элизабет Дюран, какого дьявола ты творишь?!

Я взлетаю на край второго этажа, как петух на забор. Уверен, и выгляжу я так же. Красные пятна то ли от смущения, то ли от злости покрывают мою грудь под расстегнутой рубашкой, шею и лицо. Кулаки сжаты до побелевших костяшек, еще чуть-чуть — и пальцы треснут от напряжения. Я дышу так, будто меня держали головой в ведре с водой целую вечность. Воздух обжигает горло. Ноздри раздулись, а глаза вот-вот выпадут из глазниц. А уж как я взбешен, и вовсе не описать. Я не знаю, на кого злюсь больше, на ублюдка, который распушил хвост перед моей сестрой, или же на Патрицию, которая отвечает ему так благосклонно.

Стоит признать, они перепугались знатно. Сестра выронила веер, широко открыла рот и побледнела, будто призрака увидела. Рид же переводит глаза с нее на дверь. Правильно думаешь, паршивец, жить тебе осталось считанные секунды. Я смотрю на лестницу. Рид воспринимает это как угрозу и срывается с места. Однако я умнее: решаю преодолеть полтора метра одним прыжком.

Замысел воплотить не удастся: я успеваю лишь занести ногу — и меня хватают за плечо. Я уже и забыл о Грегори! Брыкаюсь, но тот впился мертвой хваткой.

— Сначала я откручу голову этому любителю наживы, а потом и тебе! — рывкаю я. — А ну пусти, иначе я за себя не ручаюсь!

По собственному скромному мнению, я выгляжу устрашающе. Жаль, должного эффекта это не производит, Грегори держит меня все так же крепко.

— Да пусти же ты!

— Высоко, Франческо, ты убьешься! Он того не стоит, уж поверь мне!

Какой странный тон. Раньше Грегори так со мной не разговаривал: словно выплевывает каждое слово, боясь

отравиться. На секунду это отрезвляет меня, но тут же я снова кручусь, как змей, в руках Грегори.

— Да чего ты вытворяешь! Там есть лестница!

— Да к черту ее!

С этим громогласным заявлением я оступаюсь — и падаю с края второго этажа. Грегори я прихватываю с собой, чтобы больше не занимался глупостями и не цеплялся. Кричу не только я, визжит Патриция, полагая, что мы свернем себе шеи, хотя падать здесь всего ничего. Честно признаться, я тоже боюсь закончить жизнь в собственном сарае, со сломанной спиной. Благо мы падаем прямо на лохматый тюк сена, который мы с отцом недавно разодрали для лошадей. Приземление мягкое, но постыдное. Вместо того чтобы напугать мерзавца Рида я напугал сестру и впечатался лицом в сено. Еще и Грегори своими локтями наставил синяков.

Воздух стремительно кончается, а туша на мне не собирается двигаться, поэтому вновь приходится барахтаться, как рыбе в сети. Вынырнув-таки из кучи сена, я жадно дышу. Нет даже сил обругать Грегори и все вокруг.

— Встань с меня! — ору я истошно.

— Да пытаюсь я! Пытаюсь, я застрял рукой под тобой! — вопит он в ответ.

А Колтон Рид, наверное, уже добежал до Коттон-Тауна.

Наконец я с болезненным стоном сбрасываю Грегори с себя, наслаждаясь его страдальческими оханьем и аханьем. Честно... не думал, что человеческая рука может согнуться под таким углом и не сломаться. Я, ни секунды не медля, подбегаю к Патриции, но не нахожу слов, чтобы вместить все бешенство, — и лишь начинаю бурно жестикулировать. Она смотрит на меня, как на умалишенного, и порывается схватить за руку, но я отпрыгиваю и вылетаю во двор.

Я все еще надеюсь застать Рида, и мне везет. Он только-только запрыгнул в седло и собирается прищипорить лошадь, но, обернувшись, замечает меня. Каким-то чудом — то ли мерзавец очень медлителен, то ли мне ярость

придала скорости, — я в два шага преодолеваю расстояние между нами. Лошадь Рида пугается моих резких движений и становится на дыбы. Ее хозяин — явно не лучший наездник: тут же падает и с гулким ударом летит в пыль. Отец когда-то сказал, что настоящего жителя Дикого Запада даже пуля в лоб не выбьет из седла. Если Рид и сломал чего, то уж явно не по моей вине. Некоторое время я наблюдаю, как он корчится и пытается встать. Я, конечно, собирался стащить его с лошади силком и познакомить со своими кулаками, однако он сам справился с первой частью моего плана. Жаль, вторую не дает исполнить Патриция, подскочившая к нам.

— Ты неотесанный дикарь! Что ты творишь?! — Цвет кожи сестры сменился с бледного на пунцовый. Знаю, сейчас начнется яростная перепалка. И ничем хорошим не закончится. — Господь всемогущий, Колтон, вы в порядке? Прошу, простите моего брата, его в детстве конь лягнул, бывают вспышки гнева!

Глаза лезут на лоб от слов сестры! Моя гордость никогда не оправится! Чтоб я — и не поладил с конем?! Да я в пеленках и быка мог ударом свалить!

— Я сейчас его придушу и на растяжку для шкур натяну! — реву я, делая шаг в сторону Патриции.

Колтон Рид тем временем поднялся с земли. Выглядит он, мягко сказать, неважно. Его белоснежная рубашка и хлопковые бежевые штаны все в пятнах. Судя по грозному взгляду, сейчас и он готов оставить мне пару синяков. Прекрасно! Не люблю драться с детьми! Неинтересно.

Готовясь к бою, я отмечаю, что солнце и правда уже высоко. Отец, вероятно, в поле, пока его сын, главный защитник ранчо, спит на сеновале! От шага Риду навстречу меня останавливает рука на плече. Ох, опять Грегори! Клокочущий гнев не позволяет даже взглянуть в его сторону и послать парой ласковых. Отвернусь от противника — могу потерять несколько зубов. Из дома тем временем выбегает Хантер и молча становится рядом со мной, переводя настороженный взгляд с Грегори на Колтона и обратно.

Мы попали в какой-то испанский тупик, только вместо револьверов навели друг на друга глаза. Неудивительно, что первой нарушает тишину Патриция, у нее храбрости всегда хоть отбавляй.

— Франческо, посмотри на себя! Ты что за цирк устроил?! Ты какого черта вообще забыл на сеновале и где мотался всю ночь? Мы, между прочим, переживали и не спали!

От ее тона мою злость задувает, словно пламя свечи ураганом.

— Колтон, — возмущенно продолжает она, — пришел поинтересоваться, что мы думаем насчет их предложения, и справиться о нашем благополучии! А ты, словно бешеная мышь, выпрыгнул из стога сена и бросился с кулаками! Где манеры, которые мать с таким трудом прививала всем нам? Под кленом зарыты?!

Патриция знает, что сказать, а главное как. Чувство вины теперь пожирает меня, как голодный Рей яблоки. И я не нахожу ничего умнее, чем сместить центр внимания с себя и своего бесноватого поведения на кого-то другого.

— Это, кстати, Грегори, я нашел его на хлопковом поле вчера ночью. Подумал, что к нам забрался какой-то бродяга.

Так и слышу недовольное: «Эй!» у себя за спиной. Странно, но почему-то Рид удивлен моим словам больше, чем сестра. Его лицо, красное и яростное, бледнеет, в глазах читается шок. Правое веко даже начинает дергаться.

— Патриция, — растерянно лепечу я. — Я подумал, твоя честь... под угрозой!

— Да как у тебя язык поворачивается нести такую чушь! Колтон — истинный джентльмен!

То, с каким рвением сестра оправдывается, говорит лишь об одном. Она совсем не против внимания мерзавца. От догадки я совсем сникаю, и Патриция атакует снова:

— Если отец узнает о твоей выходке, тебе конец, Франческо! Извинись и исчезни в доме!

— Брат, какого черта? — шепчет Хантер, и я цыкаю на него.

— И... — Я покорно пытаюсь выдаивать из себя извинения.

Благо Колтон и правда не убился, падая. Его рука поднимается, и мне уже кажется, что зубы я сейчас все-таки потеряю. Но нет, он все с такими же круглыми глазами указывает пальцем мне за спину:

— Так, какого черта ты забыл на хлопковом поле мистера Дюрана?!

Я готовлюсь все же броситься и расквасить ему нос за выпад в мою сторону, но вовремя понимаю: он обращается не ко мне, а к Грегори.

— Ты пропал аж в полдень, мы так не договаривались. План был совсем другой. — Колтон бросает на меня быстрый взгляд. — Зачем ты напугал Франческо? А если бы он пустил в тебя пулю? Кто предъявит ему за это на Диком Западе? Койоты?

За моей спиной раздается смех.

— Хах, ну, знаешь, он и без пуль острый на язык! Где хочю, там и хожу, и сколько хочю, ясно, братец? Братец?

Я медленно поворачиваюсь, как плохо смазанная стрелка старых часов. В голове щелкает. Я открываю рот, рискуя, что какая-нибудь птица совьет там гнездо и успеет вывести птенцов. Удивление, чистое, наивное, обрушивается на меня. Грегори... черт возьми! А я еще удивлялся, откуда на его ровном носу и бледных щеках так много веснушек. И может, поэтому он так любит слово «клен»: волосы-то у него цвета осенних кленовых листьев. Они отливают рыжиной, особенно на солнце, — просто оттенок более темный, чем у брата, менее насыщенный, не так режет глаз.

Грегори улыбается мне как ни в чем не бывало и заправляет одну из прядей за ухо. В руке злополучное кепи, которое вместе с темнотой ночи скрыло от меня его родство с Ридами. Грегори Рид — парень, потерявшийся на хлопковом поле и бесконечных дорогах, парень, настроен-

ние которого скачет от фатальной философии гниющей осени к надеждам и мечтаниям весны.

Наверное, я долго сопоставлял факты: Колтон успел снова залезть в седло.

— Патриция, прекраснейший цветок этой долины, прости, что мой брат пересек границу ваших полей и не сказал никому, ни вам, — Колтон фыркает, — ни нам. Прошу, если ваше прощение столь же огромно, сколь любовь к земле, не говорите отцу.

Я сердито смотрю на него, а краем глаза замечая, как рот Хантера приоткрывается в изумлении.

— Я отправляюсь в город. — Колтон смотрит убийственным взглядом на меня, потом на Грегори. — А ты, на чем хочешь, чтобы вернулся домой в ближайшие три часа, иначе отец оторвет тебе голову!

Вновь бросив *нежный*... нежный взгляд на мою сестру, этот мерзкий тип все же дает шпору лошади и отправляется прочь.

— Патриция, это что сейчас было? — Не успеваю я слова вымолвить, как мои мысли озвучивает Хантер. Однако я рано обрадовался, брат переводит взгляд потемневших от ярости глаз на меня. — Но ладно сестра! Ты! Франческо Дюран, где ты был всю ночь? Вы... Ты... Что происходит, мне кто-нибудь объяснит? За день брат и сестра сошли с ума! Еще и Джейден рюмки в баре гоняет! Отец узнает, и вам конец!

— Нет! — кричим мы с сестрой так, что Хантер отступает на шаг.

— Позволь мне объяснить. — Грегори делает шаг к брату. Тот недоверчиво щурится. — Вчера я решил прогуляться по округе. Никогда мы с семьей так далеко не заезжали на запад. Пошел без лошади и воды, думал, погуляю пару часов и вернусь. В итоге я заблудился и сел на кучу с хлопком. Там меня и нашел Франческо. — Хантер смотрит на меня, я спешно киваю. — Ночью до города далеко, а одного на вашем дворе Франческо меня оставить не решился. Вот и остался сторожить на сеновале. Конец

истории! А утром мы обнаружили Патрицию с моим братом за разговором.

— Хоть один адекватный человек! — Хантер, махнув руками, выдыхает. — Ладно... Отец волнуется, может, хватит уже вести себя как дети?

— Он — и адекватный? — невольно фыркаю я. — Хантер, я буквально нашел его на куче компоста! Он, сидя там, смотрел в небо без капли воды и с парой яблок в штанах! — Мне аж не по себе от того, что брат сразу встал на сторону Грегори. — Кто вообще так делает?

— Дай-ка подумать... Ты?

Перехватывает дыхание. А ведь он прав, я мог бы выкинуть что-то подобное!

— Но черт возьми, Грегори! — Аргументов против брата у меня нет, а Патриция зла, как ведьма на костре, поэтому я разворачиваюсь к волку в овечьей шкуре.

— Да, Франческо? — издевается надо мной он.

— Прекрати, постоянно называть меня по имени! — Я мгновенно вскипаю. Хантер делает шаг к нам, но я останавливаю его рукой.

— Хорошо, Франческо! — смеется Грегори, запрокидывая голову.

— Какого черта ты вообще рыжий! — Я уже понимаю, что несущую чушь, но остановиться не могу. — Ты, значит, тоже пришел забрать у меня землю? Может, ты специально околдовался ночью в полях, что-то вынюхивал?

Улыбка мгновенно сходит с лица Грегори, оно становится потеряннм. Хантер кладет руку мне на плечо, и я осознаю: меня трясет. Но некоторые мысли, к сожалению, не кажутся таким уж бредом. Кому захочется бродить по хлопковому полю ночью? По чужому полю.

— Говори, что ты делал этой ночью? — сглотнув, спрашиваю напрямик.

— Просто гулял и все! — Он прямо смотрит мне в глаза. — Я никогда бы так не поступил! Не нужно мне твое проклятое ранчо!

Грегори так повысил голос, что домашняя птица разлетелась с заборов и бросилась наутек. Его глаза полны обиды и разочарования.

— Я вынужден! — продолжает он. — Вынужден, понимаешь, сидеть в этой телеге! А ты дурак, Франческо! — Он бросает взгляд на Патрицию, потом на Хантера и добавляет суше: — Простите, что забрел к вам и переночевал на сеновале. — Снова он смотрит на меня. — Честь имею.

Он отворачивается, надевает кепи и, засунув руки в карманы, уходит прочь — в сторону выхода с поместья. Патриция качает головой и бежит за ним, предлагая отвезти его на телеге. Я же стою столбом, понимая, что перегнул палку. Грегори с таким стыдом прятал под кепи волосы, что очевидно: он стесняется своей рыжести и того, насколько похож на братьев. А что сделал я? Нагрубил, обвинил непонятно в чем.

Хантер убирает руку с моего плеча и идет в стойло, понимая, что так или иначе Патриция не отпустит Грегори собирать дорожную пыль. А я закрываю глаза и глубоко вздыхаю. Не доверяю я Ридам. Есть в них что-то подозрительное, хотя я пока не разобрался, насколько все серьезно. А вот дров уже наломал.

Открыв глаза, я вижу около ворот Грегори — он беседует с моей сестрой. Они ждут Хантера. Он улыбается ей: печально, сдержанно, неискренне. Я закусываю губу от стыда, но приблизиться не решаюсь. Ветер колышет ворота, и они скрипят.

Вот так я взял — и залез человеку в душу. Не постучался и не попросил зайти, а выбил дверь с ноги, нащупав брешь в идеальном полотне улыбок и веснушек Грегори. Уверен, ни Хантер, ни Патриция ничего не поняли, они обратили внимание лишь на мой гнев. А ведь да. Я начинаю вспоминать, и совесть грызет все сильнее. Грегори то и дело поправляет кепи, убирает волосы, не позволяет никому смотреть на него так, как смотрел я. В одно мгновение я поставил его в ряд с остальными братьями и отцом, обвинил в алчности. Уверен, будь его воля, он взял бы щетку

и тер бы лицо, пока кожа не слезет вместе с веснушками. Черт возьми, какой же я подонок. Франческо Дюран, любовь к ранчо не должна превращаться в мушкет, из которого ты стреляешь по людям. Раны от злых слов не в силах излечить ни один лекарь. Я сжимаю кулаки и стараюсь найти лазейку для оправдания. Тщетно. Я разворачиваюсь и иду в дом, но на пороге оглядываюсь.

Грегори с грустью посматривает на меня.

— Черт, — срывается с моих губ.

* * *

Меня сослали. Позорно и без объяснений. Детей, когда пытаются научить манерам, ставят в угол или дают пару розг, меня же, наоборот, отправили в мир, где не сыщешь ни одного угла. В лесную долину стеречь овец. И даже Рея не разрешили взять.

Патриция до сих пор злится на меня. А я разве виноват в том, что у Колтона Рида трусливая лошадь? Упал и упал. С кем не бывает? Раздражает то, что я так долго ждал свою очередь стеречь овец, спорил из-за нее, а в итоге выброшен на улицу.

Прошло два дня, а Патриция не проронила ни слова. Она всегда начинает играть в молчанку, стоит нам поругаться, а отец учит уступать женщинам в их капризах. Сам он, кстати, тоже словно воды в рот набрал и ходит чернее тучи. Один Джейден без умолку воркует о девушках, урожаях и выпивке. Что-что, а его умение жить, не теряя равновесия, удивляет.

Риды на нашем пороге не появлялись, в том числе Грегори. Я отчаянно стараюсь выбросить эту семейку из головы. Они в скором времени уедут и, вероятно, я больше никогда не увижу никого из них, а уж Грегори-то с его жизнелюбивым нравом забудет о моих обидных словах рано или поздно. И все же то, как он натягивал на голову кепку и прятал волосы, раз за разом отдается уколами вины.

— Дурак ты, Франческо... Дурак.

Я смотрю на переливы кленовой листвы и вновь вспоминаю Грегори. Черт, его признание, что он любит слово «клен», въелось в память. Да, это лишь слово, но ведь дело в сути. Можно любить то, что выглядит красиво, и ненавидеть то, что скрыто под оберткой — и наоборот. Видели Грегори, как клен осенью загорается яркими красками и поджигает одно дерево за другим, как осень подобно кругам на воде от брошенного камня, охватывает весь Дикий Запад? Скорее всего, да. Если моя клетка — ранчо, то его — целый мир. Есть ли разница между большой и маленькой клеткой? Так или иначе ты наткнешься на прутья. Как я сейчас. Лежу и смотрю, как ветер гладит листья и верхушки леса неподалеку. С одной стороны, безграничная свобода, с другой тупик. Черт. Надо бы все-таки найти Грегори и извиниться. Перед ним так уж и быть, перед Колтоном даже на плахе не улыбнусь. Не верю я ему, и тут сам Бог не поможет.

Я приподнимаюсь на локтях и хочу засвистеть Рею, да вот только друг трудится в поле. Замечательно! Вокруг меня одни овцы, и я среди них главный баран. Обычно я мирно дремлю, пока стадо объедает все вокруг, но не сегодня. Терзаемый совестью, я сажусь, смотрю вперед. Овцы прожорливее саранчи: после нескольких выпасов необходимо перегонять их на новое место. В этот раз мне по-настоящему свезло, не нужно стоять в центре стада и наблюдать, как бы кто не забрел в лес. Отец ревностно относится к нашему скоту. Джейдену досталась пара плетей, когда он не углядел за овцой и ту загрызли койоты. А место это у меня любимое, потому что здесь есть небольшой пригорок с раскидистым кленом. Все овцы как на ладони, а лес настолько густой, что ни одна из них не променяет свежую траву под ногами на скудные островки зелени в плотной стене стволов. А еще я иногда использую Рея как пастушью собаку. Овцы, что неудивительно, боятся его, а пару лет назад я научил его по команде обегать стадо по округности. А вот сегодня, увы, как только